
НАСЛЕДИЕ

Предлагаемая вниманию читателей статья принадлежит перу русского литературоведа, критика, переводчика и публициста Аркадия Георгиевича Горнфельда (1867–1941). Поводом для ее написания в 1917 году послужила публикация «Сборника финляндской литературы» (см.: Брюсов, Горький 1917). Позднее, в 1924 году, она была включена в книгу «Боевые отклики на мирные темы» (см.: Горнфельд 1924: 113–120), куда вошла большая часть политических статей автора. Будучи учеником и последователем выдающегося языковеда, философа и этнографа А. А. Потебни, Горнфельд дополнил его теории социологическим анализом.

Публикуемый текст – не рецензия в привычном смысле слова. Автор рассуждает о том, как изменится судьба национальных меньшинств в России после революции и какую роль в этом призвана сыграть русская интеллигенция.

А. Г. ГОРНФЕЛЬД

НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА И РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Такие сборники были нужны вчера и будут нужны завтра. Сегодня они кажутся насмешкой – насмешкой судьбы, насмешкой истории. Счастливый случай освободил Финляндию от русского гнета – и освобожденные финляндцы не имеют нужды взывать к русскому обществу о справедливости посредством таких сборников. Русские же интеллигенты, организовавшие сборники, уже не имеют необходимости спешно просвещать кого-то насчет достоинств финской литературы. Запоздали эти сборники, и роль их, оставаясь почтенной, претерпевает существенное изменение.

Их немало вышло за последние годы, да и раньше в них, собственно, не было недостатка: недостаток был в другом, чего не могут создать литературные сборники. В издательстве «Парус» это уже третье в ряду аналогичных изданий, «посвященных обзору литературного творчества племен, живущих с нами, русскими»; финлянд-

скому предшествовали армянский и латышский. Предполагалось выпустить еще сборники татарский, еврейский, украинский. Латышский и армянский сборники вышли также в издательстве «Огни»; одновременно со всей этой литературой появилась «Старая Украина», сборник дум, песен и легенд, переработанных с мало-российского С. Козленицкой. Этими случайными указаниями, конечно, не исчерпывается список изданий, посвященных все той же необходимой цели: познакомить русского человека, «хозяина Земли Русской», с жизнью и творчеством подвластных ему народностей. Две группы были заинтересованы в создании таких сборников. С одной стороны, представители этих самых обиженных российской великодержавностью племен старались всеми способами агитировать в среде, от которой зависели, старались доказать русским людям, что они тоже имеют право на существование, на достойное существование, которого их лишает русская государственность. Они делали что могли, чтобы познакомить россиян с своей жизнью, своим бытом, своими тяготами. Они старались показать, что у них тоже есть своя народная мысль, своя литература, своя культура. Одни, как финны, гордо противопоставляли свою по-европейски упорядоченную культуру русскому разгильдяйству, другие, как евреи, пытались только доказать, что они тоже люди, и что погромы вещь жестокая и непозволительная; третьи, как это сделано в армянском сборнике «Парус», знакомя с своим творчеством, открыто признавали его слабость, но в объяснение этой слабости рассказывали свою народную басню о соловье и волке: «Попался соловей в лапы волка и завизжал благим матом. Волк ехидно спросил: “А ведь про тебя говорят, что ты мастер петь. Что же это за звуки ты издаешь?” Соловей ответил: “То правда, волк, – я мастер петь, но не в твоих когтях!..”»

Блажен, кого утешают такие утешения. Из одного факта пребывания в волчьих лапах еще не следует, что ты соловей: голодный волк ведь не брезгует и вороной. И, например, поляки, давшие под нестерпимым российским гнетом ряд больших европейских писателей, могли бы напомнить утешенному столь печальными лаврами историку армянской литературы, что подлинный соловей и в волчьих лапах визжит по-соловьиному.

Но это мимоходом. Важнее то, что басню о соловье и волке так или иначе – и часто с большим правом – повторяли все обиженные Россией племена, все требовали справедливости, внимания, знания, все предъявляли счет. И по счету этому считала себя обязанной платить русская интеллигенция. Дать она могла немного. Она никогда не знала, как освободить от царского гнета финнов, не освободив от него русских, но она признавала счет и платила по нему. Обязанность была беспорной. Не всегда она исполнялась как должно, но то, что делалось, должно быть поставлено в честь русской интеллигенции.

Ее положение было тягостно! Она чувствовала себя причастной насилию, от которого терпела сама; она чувствовала себя ответственной за то, в чем не была виновата, и, что хуже, она чувствовала, что на нее возлагают утесненные эту ответственность. Она бывала при этом предметом раздражения, болезненно повышенных требований, несправедливых обвинений. Но она знала, что ее обязанность пред обиженными есть обязанность все-таки более сильного пред слабыми. И она как бы оправдывалась такими сборниками пред угнетенными инородцами в своей великодержавности, в угнетении, тень которого падает и на нее. Оправдываться всегда тягостно уже потому, что *qui s'excuse, s'accuse*, – и радости эти литературные оправдания не приносили никому.

Теперь положение изменилось. Изменилось оно не в том, о чем говорится в предисловии к новому сборнику, а в чем-то гораздо более важном. «Революция, – сказано здесь, – внесла много нового как во внутреннюю жизнь Финляндии, так и во взаимоотношения ее с Россией. Но при всех этих изменениях одно осталось неизменным: это незнакомство нас, русских, с культурными завоеваниями Финляндии, с ее бытом, литературою, искусством. Поэтому мы полагаем, что наш сборник не только не потерял своей цели, но, наоборот, в дни, когда национальная жизнь грозит вырыть пропасть между двумя соседними демократиями – сборник, преследующий цели культурного сближения, нужен больше, чем когда-либо раньше». Оно, конечно, – раз сборник составлен и напечатан, появление его должно быть чем-нибудь оправдано. И оправданию, которое мы имеем на сей раз пред собой, никак невозможно отказать в совершенной основательности и убедительности. Хотелось бы,

конечно, чтобы финны, заботясь о «целях культурного сближения», отныне обращались не только к русским читателям, но и к финляндским, чтобы финская интеллигенция делала в Финляндии по отношению к России то, что в России делает русская интеллигенция по отношению к Финляндии. Но вообще-то о высокой полезности сборника, преследующего столь почтенные цели, какой может быть спор? Правда, библиографический указатель финляндской литературы на русском языке, приложенный к сборнику, показывает, что литература эта не бедна. Произведений художественного творчества на двух финляндских языках (финском и шведском) переведено на русский язык столько, что из них можно бы составить двадцать таких сборников; у нас есть множество статей и книг о Финляндии; среди них такие, можно сказать, всеобъемлющие труды, как «Финляндия в XIX столетии, изображенная в словах и картинах финляндскими писателями и художниками (чрезвычайно роскошное издание под ред. Л. Мехелина), «Финляндия» (под ред. Д. Д. Протопопова). В течение нескольких лет все в тех же целях сближения издавался журнал «Финляндия». Наконец, составитель библиографического указателя В. М. Смирнов в особом примечании к перечню научных работ свидетельствует, что «капитальные труды А. М. Коллонтай по экономическому и социальному вопросам в Финляндии не имеют подобных себе и в финляндской литературе». Казалось бы, если цели культурного сближения достижимы на этом пути, то чего же еще? И однако «национальная рознь грозит вырыть пропасть между двумя соседними демократиями»: издатели сборника об этом свидетельствуют, сохраняя убеждение, что он «нужен больше, чем когда-либо раньше». Это, конечно, очень страшно; страшно потому, что пропасти, вырытые подлинной национальной рознью, нельзя завалить книгами, хотя бы и очень разумными и благожелательными.

Национальная рознь в России, действительно, не в прошлом, а в будущем. Далекое будущее ее преодолеет, но ранее преодоления неминуем в ближайшем будущем широкий ее разлив и глубокое бурление. Самодержавие избавляло русского интеллигента от многого, что он волей-неволей должен теперь взвалить на свои плечи – между прочим, и от национализма. Железной рукой – пока эта рука была или казалась железной – оно подавляло не только

проявления национальной жизни, но и противоречия национальных интересов. Основание этих интересов все в будущем. Много времени пройдет до тех пор, пока народы России, потрясенные в своем быте, в своей мысли, в своем существовании, притрутся один к другому, расположатся мирно рядом и перестанут обижать друг друга. Но так или иначе, обида эта будет взаимная, она перестанет исходить от державного племени. Страшным, угрожающим примером может стать перед освобожденной Россией судьба балканских народов.

Да, нет былой великодержавности. Как некогда пел один из двух редакторов лежащего перед нами сборника:

И снова все в веках, далеко,
Что было близким наконец —
И скипетр Дальнего Востока,
И Рима третьего венец...

Увы, в этом потрясающем падении есть великая скорбь и для тех, чьи представления о величии России были полярно противоположны мечтам Валерия Брюсова о третьем Риме и о скипетре Дальнего Востока. Но если в великой скорби возможны малые утешения, то, пожалуй, одно из таких утешений можно видеть в роли, и ныне – несмотря ни на что – предстоящей русской интеллигенции. Начинается ее внутреннее, а не только внешнее освобождение. Одним из проявлений этого освобождения будет то, что ее внимание к живущим в России народам будет менее подневольно, более самопроизвольно. Нет теперь на ней тени державности, нет истомляющего ощущения вины, без палача над собой и без жертвы под собой. Теперь она свободнее. Она может, наконец, переводить, издавать, читать финляндскую литературу не для того, чтобы пробуждать в себе или в ком-нибудь еще те или иные чувства к финнам, которых теперь уже не интересуют ни эти чувства, ни возбуждающие их сборники. Она будет читать финских писателей не для того, чтобы кто-то перестал душить финнов; она будет читать Пейверинту и Ернефельта не ради финляндцев, а ради себя: так, как она ради себя читает Стриндберга и Аннунцио, Анатоля Франса и Гергарда Гауптмана. Не сопричтенная отныне к злодеям, она может почувствовать себя вольной в своих влечениях и отталкивани-

ях. Я не обманываюсь – я знаю, что это значит. Я, еврей, никогда не сомневался в том, что русский правительственный антисемитизм исполняет некоторые функции общественного, который в свободной стране развивается пышнее, чем в подневольной. Но то, что в нем рождено свободой, от свободы и погибает. И в ней в конце концов погибнет всякое подозрительное, требовательное отношение российских народностей к русской интеллигенции. Сменив тягость шапки Мономаха на новые тяготы, ей предстоящие, она сможет меньше осматриваться по сторонам, больше сосредоточиваться на своем творчестве, на своем строительстве.

А какую роль играет это творчество в духовной жизни собранных в России народностей, показывают сборники, знакомящие с их литературами. Это маленькие литературы маленьких народов. Ни одна из них не ушла от влияния русской литературы, и величие этого громадного культурного капитала – ничем в своем величии не обязанного железной мощи самодержавного насилия – может только беспредельно возрастая в атмосфере внутренней свободы, по пути к которой ценой величайших жертв далеко продвинулась за этот год русская интеллигенция.

Литература

Брюсов, В., Горький, М. 1917. *Сборник финляндской литературы*. Пг.: Парус.

Горнфельд, А. Г. 1924. *Боевые отклики на мирные темы*. Л.: Колос, с. 113–120.